

Эта причудливая история написана с точки зрения любящей девушки, выросшей в полузапретной обстановке. Наивная, но склонная к чрезмерно активному воображению, она открывает для себя радости наготы среди продуктов дедушкиного сада. Она рассказывает нам о том, как ее увлекла геронтофилическая любовь, любовь к пожилым людям, а не к ровесникам. В данном случае такой любовью является ее дедушка. Он использует свое огородное образование, чтобы научить ее некоторым жизненным фактам.

Наша главная героиня начинает свой рассказ с воспоминаний о близких, погибших в трагической аварии за несколько дней до ее двенадцатого дня рождения. Это легкий мазок о том, как она стала так пристально следить за бабушкой. Ее зарождающееся сексуальное сознание в восемнадцать лет приводит ее к исследованию дедушкиного сада и... ну, вы знаете, чем это закончится! Это же Literotica... в конце концов! Поэтому, конечно, она исследует "огурец" своего любимого дедушки. Несколько сцен включают в себя яркое воображение индейских духов ветра, уговаривающих ее исследовать свое внутреннее "я". Кстати, в этой истории нет никакой правды.

Благодарность автора

Кенджисато, добровольный редактор Literotica, внимательно следил за исправлениями, необходимыми в этой истории. Благодаря его усилиям эта история читается намного лучше!

Сексуальное содержание

Содержание этой истории касается совершеннолетия восемнадцатилетней девушки с богатым воображением. Она мастурбирует огородными овощами и жаждет большего, в итоге планируя соблазнить своего дедушку и узнать, что такое секс. Она пробует куннилингус в качестве прелюдии к дальнейшим приключениям с ним - и с овощами! Используются словарные слова уровня "F"!

Дедушка научил меня всему, что я знаю!

Мой дедушка по отцовской линии - самый мудрый, добрый и щедрый человек во Вселенной. Он научил меня практически всему, что я знаю! Даже моя мама и его единственный сын, мой папа, так говорили! Это должно было быть правдой, как они и сказали мне!

Благословенная красотой, умная, как Эйнштейн, и сладкая, как бабушкин домашний яблочный пирог, - так он описывает меня всем, кто меня еще не знает. Ежедневно я упивалась истинностью убеждений моего дедушки. Несмотря на то, что это была истина, она поглотила меня до глубины души в моей растущей любви к нему!

Каждый раз, когда я видела его блестящий купол, бороду Санта-Клауса и живот, я чувствовала покалывание от кончиков моих сосков до накрашенных ногтей на ногах. Я просто знала, что каждое слово из его уст - это кусочек правды, политый мороженым и посыпкой. Мое сердце

трепетало, как цветы после весенних дождей, когда его яркая улыбка встречала мои любящие глаза. Я люблю своего дедушку... "до луны и обратно", как говорила моя бабушка Мэй. Я тоже ее так любила!

Они с дедушкой тщательно планировали свой список дел: рано выйти на пенсию, путешествовать по миру, вернуться домой и превратить четыре акра за своим ухоженным домом для престарелых в призовой огород с овощами и цветами. Дедушка, как мне сказали, будет заниматься овощами, а бабушка будет ухаживать за цветами, срезать их и продавать в придорожном киоске. Дедушка тщательно разработал проект киоска, а мой папа собирался помочь его построить, когда они вернутся домой после кругосветного путешествия.

Конечно, им не нужны были деньги! Дедушка мудро позаботился об этом! Придорожный киоск был лишь подработкой, помогавшей им оставаться активными и подвижными. Что касается цветов, то они давали бабушке возможность поболтать с прохожими. Зная ее, она бы с такой же вероятностью написала на своей вывеске "Цветы! Дюжина за улыбку!" и раздавала бы их всем, кто был бы достаточно любезен, чтобы задержаться и поговорить о чем угодно.

Эти грандиозные планы рухнули за день до моего двенадцатого дня рождения. У бабушки в то утро был прием у врача. Папа вызвался отвезти ее, так как он умел работать с молотком. [Бабушка призналась мне, что строительные гены моего дедушки нечаянно обошли моего папу стороной]. Понимаете, дедушка был занят на заднем дворе нашего дома, по соседству с его домом, сооружая новые качели для моей следующей послеобеденной вечеринки. Мама суежилась по дому с приготовлениями, а мой папа был, как говорила бабушка, "полезен, как соски на боровой свинье", что бы это ни значило! Когда он забивал гвоздь, то неизбежно попадал не туда! Боже, за эти годы я выучил много новой лексики, всякий раз, когда ему случалось замахнуться молотком на что-то, связанное с гвоздем!

Например, из одного эпизода я узнал слово на букву "Ф", так как после его стараний у него почернел ноготь большого пальца. Мама очень на него за это набросилась! С тех пор у меня сложилось впечатление, что слово на букву "Ф" ассоциируется только с болью от забивания ногтей. Конечно, это не так, но этот урок-коррекцию я получил гораздо позже от детей в школе. Не то чтобы я ходил в "обычную школу". Это случилось гораздо позже.

Папа и бабушка обогнули поворот на старом железнодорожном переезде. Сигнальная лампочка была погашена. Люди решили, что папа и бабушка были так заняты, болтая или смеясь о чем-то, что не заметили поезд, который был так чертовски, чертовски близко. Это был закрытый гроб. Когда никто не смотрел, я пытался заглянуть, но крышка не открывалась.

Моя качельная площадка так и не была достроена в том месяце. Мой двенадцатый день рождения прошел без вечеринки и подарков. Я помню их торжественные, заспанные лица и слезы в маминых глазах, когда я сидел на церковной скамье рядом с ними. Когда я поднял голову, мама и дедушка выглядели так, будто постарели лет на двадцать каждый. Я не мог добиться от них даже улыбки - казалось, навсегда - по мере того, как проходили месяцы. В это время я немного беспокоилась о маме. Доктор сказал мне, что мама была в шоке и все еще ставила тарелку для папы во время каждого приема пищи. Он сказал, что со временем она это переживет. Дедушке было не лучше, он проводил время, сидя в своей качалке в стиле адирондак на заднем крыльце и глядя на небеса.

Там стояли две качалки: одна для него, другая для бабушки, с ее уникальной пушистой подушкой, достаточно близко, чтобы держаться за руки. Когда бабушка была еще жива, я лежал напротив них в деревянных качелях на крыльце. Она была подвешена на веревке к стропилам крыльца, и, растянувшись на ней, я погружался в дедушкины рассказы. Они завораживали меня долгими, приятными летними вечерами и долгими мягкими осенними ночами. Он всегда внимательно слушал мои детские шутки и философски рассуждал, как будто я был взрослым. Он учил меня жизни на заднем крыльце. Бабушка, конечно, исправляла некоторые из его ошибочных мыслей, но только те, которые, по ее мнению, могли оставить у меня неправильные, неизгладимые впечатления о жизни. Обе они заставляли меня чувствовать себя равным, чувствовать себя особенным, а больше всего - чувствовать себя любимым.

Долгое время после скорби по бабушке и папе я ужасно скучал по ним. Но больше всего он скучал по бабушке. Он все еще разговаривал с ней, я знала это. Потому что иногда я подходил к дому, чтобы провести его. Я слышал его оживленные разговоры. В первые несколько раз, когда я услышала его, я подлетела к углу, оглядя его с огромной улыбкой. 'Должно быть, бабушка вернулась!' подумал я от веселья в дедушкиной болтовне. Но, повернув за угол, я увидел ее пустой стул и его далекий взгляд, устремленный в небеса. Прошло несколько раз, прежде чем я понял, что, как и мама, он цеплялся за воспоминания. Глядя в небо, он однажды сказал, что она там, наверху. Дедушка знал все! Поэтому, я думаю, он знал, что она все еще может слышать, как он говорит. Если он сидел на улице и говорил достаточно громко, чтобы она его слышала, он был уверен, что она и мой папа внимательно слушают.

За следующие шесть лет, когда мне исполнилось восемнадцать, я стала мудрее и эмоционально сильнее. Я начал понимать последствия опустошения от потери матери и сына в одном взмахе косы смерти, когда она забрала две любимые души. Дедушкино подтрунивание, которое сошло на нет за эти годы, постепенно вернулось в наши разговоры. Мы стали доверенными лицами, даже заговорщиками, и я приходил к нему с самыми разными вопросами обо всем - в частности, о мальчиках. Он всегда был откровенен и не осуждал. Кроме того, он знал все!

С мамой у меня не было такого конкретного разговора о мальчиках! Она обходила этот аспект жизни стороной. Особенно о том, что чувствует мальчик, когда он ставит свой... ну, вы понимаете. Я спросила ее только один раз, и она взбесилась, как будто я ограбила банк, или что-то в этом роде! То, что я думал о пенисе, который меня трахает, было для нее абсурдом. Это, несомненно, было вызвано ее воспитанием во франко-канадском квебекском обществе. Она была воспитана в римско-католических верованиях. Тем не менее, она вышла замуж за моего папу, и, как часто шутил дедушка, "Твой папа не чертов католик!". Этих разговоров о мальчиках не было бы, если бы моя мама имела свое мнение! И она бы ни при каких обстоятельствах не услышала ни слова об этом!

Мой единственный разговор с ней на эту тему закончился словами: "Вы меня понимаете, юная леди!". К восемнадцати годам я понимал, что такое "трах" и некоторые связанные с ним термины. Мне больше не нужно было просить ее не переспрашивать. В конце концов, к тому времени я уже впитал большую часть дедушкиной мудрости!